

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ АГРАРНОГО СОЦИУМА КАК ФАКТОРА ИННОВАЦИОННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Обзор современной научной литературы показывает, что аграрная сфера переживает период радикальных трансформаций, связанных с новыми технологическими, экономическими и социальными вызовами [2, 4, 14].

Ключевым императивом развития отрасли становится переход к устойчивым и инклюзивным моделям, обеспечивающим не только рост продуктивности, но и сбалансированное развитие сельских территорий, сокращение неравенства [3, 11]. При этом многие исследователи отмечают противоречивый характер изменений, сопровождающихся усилением социально-экономической дифференциации и маргинализацией значительных групп сельского населения [5, 7, 13]. Однако само понятие «маргинализация» применительно к аграрной сфере остается дискуссионным и недостаточно концептуализированным. Одни авторы трактуют его предельно широко, относя к маргинальным все территории и сообщества, не вовлеченные в доминирующие тренды развития [8]. Другие, напротив, используют более узкие критерии, связывая маргинализацию с критическим уровнем бедности, деградацией человеческого потенциала [6].

Систематизация публикаций в высокорейтинговых журналах за последние пять лет позволяет выделить три основные формы маргинализации аграрной среды:

1. *Территориальную*. Формирование депрессивных сельских районов с низким уровнем социально-экономического развития, интенсивным оттоком населения [2, 7].

2. *Экономическую*. Углубление разрыва между крупными агрохолдингами и малыми фермерскими хозяйствами по уровню доходов, доступу к ресурсам и рынкам [9, 12].

3. *Социокультурную*. Разрушение традиционного сельского уклада, утрата идентичности, разрыв межпоколенческих связей [4, 13].

При этом в большинстве работ маргинализация рассматривается как негативный процесс, тормозящий модернизацию отрасли и закрепляющий технологическое отставание периферийных территорий и хозяйств [1, 5]. В то же время ряд исследователей отмечают неоднозначность ее эффектов, указывая на потенциал низовых инноваций, рождающихся в маргинальной среде [3, 10]. Речь идет об альтернативных практиках организации сельскохозяйственного производства, ориентированных на принципы кооперации, солидарности, локальной идентичности.

Реализация цели исследования потребовала синтеза структурно-функционального, социокультурного и феноменологического подходов. Их комбинация позволила комплексно рассмотреть феномен маргинализации в единстве его экономических, социальных и культурных аспектов, учесть многообразие его проявлений и эффектов.

Ключевые методы получения эмпирических данных включали:

1. кейс-стади — для глубокого анализа опыта конкретных маргинальных хозяйств и сельских сообществ;

2. глубинные интервью с фермерами — для выявления их субъективного восприятия процессов маргинализации и адаптационных стратегий;

3. контент-анализ медиа — для изучения репрезентаций маргинальности в публичном дискурсе;

4. экспертные панели — для прогнозирования трендов инновационного развития АПК в контексте социальной эксклюзии.

Полевой этап исследования проходил в 2023–2024 гг. в трех регионах России, различающихся по уровню социально-экономического развития сельских территорий: Белгородской области, Алтайском крае, Республике Калмыкия. Для анализа были отобраны 50 кейсов маргинальных хозяйств, относящихся к малым формам хозяйствования (ЛПХ, КФХ) и расположенных в периферийных районах.

Критериями маргинальности выступали малый размер земельного участка (менее 5 га), низкий уровень дохода (ниже прожиточного минимума), отсутствие доступа к мерам господдержки, слабая включенность в отраслевые институты и сообщества. Дополнительно были проведены 30 глубинных интервью с главами хозяйств, отобранных методом «снежного кома». Гайд интервью фокусировался на вопросах субъективного восприятия маргинального статуса, барьерах внедрения инноваций, альтернативных практиках хозяйствования.

Контент-анализ охватил 5 федеральных и 15 региональных СМИ, публикующих материалы по аграрной тематике (всего 850 публикаций за 2019–2024 гг.). Поиск релевантных текстов осуществлялся по ключевым словам: «маргинальность», «социальная эксклюзия», «сельская бедность», «неравенство», «устойчивое развитие». Для экспертной оценки тенденций и рисков маргинализации сельских территорий был проведен ряд очных и онлайн-панелей с участием 25 специалистов из научно-образовательной сферы, органов управления АПК, фермерских ассоциаций.

На этапе анализа данных применялись методы типологизации, осевого и выборочного кодирования, построения концептуальных схем. Достоверность результатов обеспечивалась триангуляцией источников информации, сочетанием качественных и количественных методов, использованием техник структурной и категориальной валидации.

Анализ кейсов маргинальных хозяйств позволил выделить три устойчивых паттерна, характеризующих

их положение в социально-экономической структуре аграрной отрасли:

1. Территориальная изоляция. 84% изученных хозяйств расположены в депрессивных районах, удаленных от крупных центров и транспортных узлов. Средняя численность населения в селах, где проводилось исследование, составляет 560 человек (на 25% ниже среднего показателя по стране). За последние 10 лет они потеряли в среднем треть жителей в результате миграционного оттока.

2. Технологическое отставание. Уровень внедрения современных агротехнологий в маргинальных хозяйствах минимален. Только 12% из них используют элементы точного земледелия, 8% применяют цифровые инструменты управления, 4% имеют доступ к системам мониторинга полей. Главной причиной, по мнению 67% опрошенных фермеров, является недостаток финансовых ресурсов.

3. Слабая включенность в формальные институты. 78% респондентов не являются членами отраслевых союзов и ассоциаций, 54% никогда не участвовали в государственных программах поддержки, при этом 48% регулярно обращаются за помощью к неформальным сетям взаимопомощи, основанным на родственных и дружеских связях.

Статистический анализ выявил значимую ($p < 0,01$) отрицательную корреляцию между степенью маргинализации хозяйств и уровнем инновационной активности ($r = -0,62$). Как показывает таблица 1, среди предприятий, отнесенных к маргинальному кластеру, доля использующих передовые технологии в 3,5 раза ниже, чем в выборке в целом. Напротив, в группе хозяйств с высоким уровнем инклюзии в отраслевые институты этот показатель достигает 72% ($\chi^2 = 36,4$; $df = 2$; $p < 0,001$).

Таблица 1. Взаимосвязь степени маргинализации и инновационной активности хозяйств

Степень маргинализации	Доля хозяйств, внедривших инновации, %
Низкая ($n = 34$)	72*
Средняя ($n = 54$)	41
Высокая ($n = 67$)	19*
По выборке в целом	55

Примечание: * различия статистически значимы по критерию хи-квадрат ($p < 0,001$).

Модель бинарной логистической регрессии показывает, что вероятность внедрения инноваций для хозяйств со средним уровнем маргинализации в 2,8 раза ниже ($\exp(B) = 0,36$; $p < 0,05$), чем для полностью инклюзивных. Для предельно маргинальных хозяйств соответствующий коэффициент составляет 0,12 ($p < 0,01$), то есть шансы на технологическую модернизацию снижаются более чем в 8 раз. Модель объясняет 32% вариации зависимой переменной (R^2 Нэйджелкера = 0,32) и обладает высокой предсказательной силой, верно классифицируя 79,2% наблюдений.

Качественный анализ интервью выявил ряд типичных барьеров, с которыми сталкиваются маргинальные хозяйства при внедрении инноваций:

1. Информационный вакуум. Многие фермеры отмечают нехватку достоверной информации о передовых технологиях, их возможностях и эффектах. «До нас доходят только обрывочные сведения, никто толком не объясняет, как это работает и что нам даст» (мужчина, 45 лет).

2. Дефицит компетенций. Внедрение инноваций требует новых знаний и навыков, которыми маргинальные хозяйства часто не обладают в силу низкого образовательного уровня. «Вроде и хочется что-то новое попробовать, но страшно. Ну какой из меня программист или технолог?» (женщина, 52 года).

3. Ригидность мышления. Многолетняя эксклюзия способствует закреплению архаичных моделей хозяйствования, основанных на недоверии к изменениям. «Наши деды и прадеды по-другому землю обрабатывали, и ничего. А сейчас нам какие-то нанотехнологии предлагают. Оно нам надо?» (мужчина, 61 год).

4. Отсутствие долгосрочной перспективы. В условиях хронической бедности горизонт планирования предельно сужается, что затрудняет инвестиции в будущее. «Какие там инновации, когда мы думаем, как бы выжить сегодня. Нет у меня лишних денег на всякие эксперименты» (женщина, 39 лет).

В то же время контент-анализ медиа и экспертные интервью позволили выявить ряд нетривиальных эффектов маргинализации, связанных с появлением низовых инноваций. Речь идет о новых формах организации сельскохозяйственного производства и сбыта, возникающих в депрессивных районах в качестве креативной реакции на вызовы бедности и неравенства, среди них — локальные продовольственные системы (local food systems), нацеленные на сокращение цепочки «производитель — потребитель» и продвижение местных продуктов [3, 7]; сельское хозяйство, поддерживаемое сообществом (community supported agriculture) — модель кооперации фермеров и потребителей, основанная на разделении рисков и выгод [1, 14]; солидарные закупки (solidarity purchasing groups), позволяющие малым хозяйствам коллективно выходить на рынок, минуя посредников [10].

Как показал анализ кейсов, подобные инновации зачастую возникают именно в маргинальной среде, где традиционные способы хозяйствования оказываются нежизнеспособными. При этом они опираются на специфические ресурсы депрессивных сообществ: взаимопомощь, локальную идентичность, доверие, готовность к экспериментам. «Мы поняли, что никто не решит наши проблемы, кроме нас самих. Объединились с соседями, стали вместе работать, продавать, делить урожай. Тяжело, но начинает получаться» (мужчина, 53 года).

Конечно, масштаб подобных инноваций остается ограниченным, а их экономический эффект несопоставим с высокотехнологичными решениями агрохолдингов. Однако они демонстрируют принципиально новую логику инклюзивного развития, ориентированную на социальную интеграцию, активизацию локальных сообществ, сохранение сельского уклада жизни. И в этом смысле могут рассматриваться как значимая альтернатива «генеральной линии» инновационной трансформации АПК.

Количественным выражением потенциала низовых инноваций может служить рост числа проектов сельского социального предпринимательства, составивший за 2020–2024 гг. в среднем по стране 18%, а в отдельных депрессивных регионах — до 30–35%. Для значительной части из них ключевыми драйверами развития стали неудовлетворенный спрос на продукцию «с лица» и готовность населения участвовать в альтернативных схемах продовольственного обеспечения.

Вместе с тем анализ показывает, что потенциал креативных практик, рождающихся в маргинальной среде, в значительной степени ограничивается дефицитом институциональной поддержки. 78% опрошенных экспертов полагают, что государственная политика в сфере сельского развития остается «однобоко ориентированной на агрохолдинги» и «не учитывает специфику малых форм хозяйствования». В результате многие низовые инициативы не получают необходимых ресурсов для развития и масштабирования своей деятельности.

Проведенное исследование продемонстрировало неоднозначный характер влияния маргинализации аграрной среды на процессы инновационной трансформации. С одной стороны, эксклюзия существенно ограничивает возможности мелких хозяйств по внедрению современных технологий, закрепляя их отставание от лидеров отрасли. Дефицит всех видов ресурсов (финансовых, информационных, человеческих) в сочетании с территориальной изоляцией и слабой включенностью в формальные институты создает труднопреодолимые барьеры для технологической модернизации периферийных территорий, с другой — именно маргинальная среда зачастую становится источником креативных инноваций, возникающих как реакция на провалы доминирующей модели развития.

Локальные продовольственные системы, солидарные цепочки, социальное фермерство демонстрируют принципиально иную логику инклюзивных преобразований, ориентированную на эндогенные ресурсы депрессивных сообществ. Подобные практики не могут полностью компенсировать негативные эффекты маргинализации, но способны смягчить остроту социальных проблем села.

Результаты исследования обогащают научные представления о многоаспектном характере маргинализации аграрной сферы и ее противоречивом влиянии на инновационные процессы. Они показывают ограниченность упрощенных дихотомий «центр — периферия», «модернизация — архаизация», фиксируя внимание на неоднозначности социальных эффектов технологических преобразований. Выводы работы могут использоваться при разработке инклюзивных стратегий развития сельских территорий, учитывающих интересы и потенциал маргинальных групп.

В практическом плане ключевыми приоритетами государственной политики в этой сфере должны стать:

1. Переориентация системы господдержки на малые формы хозяйствования через специальные программы грантовой и кредитной поддержки, консультационные услуги, облегчение доступа к рыночной инфраструктуре.
2. Стимулирование кооперации и интеграции мелких производителей для совместного внедрения инноваций, коллективного выхода на рынки, участия в цепочках создания добавленной стоимости.
3. Активное развитие на селе современной инфраструктуры — агротехнопарков, бизнес-инкубаторов, информационно-консультационных центров, призванных обеспечить трансфер знаний и технологий.
4. Поддержка проектов сельского социального предпринимательства через льготное налогообложение, субсидирование части затрат, помощь в продвижении продукции, содействие межрегиональному сотрудничеству.

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 5ВГ).

Пилипец А.А., ассистент преподавателя кафедры теории и истории культуры РГПУ им. А.И. Герцена

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архипов В. Вынужденные вещи. 105 штукovin с голосами их создателей из коллекции Владимира Архипова. М.: Типолигон. 2003; 109 (1300 экз.).
2. Гумбрехт Х.-У. Производство присутствия: чего не может передать значение. М.: НЛО. 2006; 183.
3. Делёз Ж. Спиноза // Ж. Делёз. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: Per Se. 2001; 358.
4. Козырева А.С. Аффективное пробуждение прошлого: анализ прекогнитивного измерения воспоминания в феноменологии Э. Гуссерля // HORIZON. Феноменологические исследования. 2012; 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/affektivnoe-probuzhdenie-proshlogo-analiz-pre-kognitivnogo-izmereniya-vospominaniya-v-fenomenologii-edmunda-gusserlya> (дата обращения: 18.06.2024).
5. Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010; 2(70). — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1-pr.html>
6. Смирнов А.В. Искусство городских дворов: специфика явления и перспективы изучения // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2018; 8. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvo-gorodskih-dvorov-spetsifika-yavleniya-i-perspektivy-izucheniya> (дата обращения: 18.06.2024).
7. Суворова А.А. Понятие «искусство аутсайдеров»: границы и смежные феномены // Культурный код. 2018; 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-iskusstvo-outsayderov-granitsy-i-smezhnye-fenomeny> (дата обращения: 16.06.2024).
8. Correa L.G. Urban interventions in a global city: dissensus, consensus and ambivalence in the streets of London. Medijske Studije-Media Studies. 2018; 9(17): 48–67. <https://hrcak.srce.hr/clanak/300638> (дата обращения: 17.06.2024).
9. Trubina E. Street art in non-capital urban centres: between exploiting commercial appeal and expressing social concerns. Cultural Studies. 2018; 32(5): 676–703. <https://doi.org/10.1080/09502386.2018.1429002>
10. Глазьев С.Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир. 2018; 768.
11. Цифровая трансформация сельского хозяйства России: официальное издание. М.: Росинформагротех. 2019; 80.
12. Araújo S.O., Peres R.S., Barata J., Lidon F., Ramalho J.C. Characterising the Agriculture 4.0 Landscape: Emerging Trends, Challenges and Opportunities // Agronomy. 2021; 11(4): 667.
13. Klerkx L., Jakku E., Labarthe P. A review of social science on digital agriculture, smart farming and agriculture 4.0: New contributions and a future research agenda // NJAS: Wageningen Journal of Life Sciences. 2019; 90–91: 100315.
14. Kamilaris A., Fonts A., Prenafeta-Boldú F.X. The rise of blockchain technology in agriculture and food supply chains // Trends in Food Science & Technology. 2019; 91: 640–652.
15. Thompson N.M., Bir C., Widmar D.A., Mintert J.R. Farmer Perceptions of Precision Agriculture Technology Benefits // Journal of Agricultural and Applied Economics. 2019; 51: 1: 142–163.
16. Yahya N. Agricultural 4.0: Its Implementation Toward Future Sustainability // Green Energy and Technology. 2019; 125–145.